

ОСТРИНСКОЕ ГЕТТО: УЖАС, БОЛЬ, ПОТЕРИ И МУЖЕСТВО.

Ужасной была судьба еврейского населения во время войны. Не миновал она и остринских евреев. Как известно, их численность на начало войны составляла более половины от общего числа жителей Острино. По воспоминаниям старожила, бывшего учителя истории, Н. И. Жуковского, перед войной в Острино было более 5000 жителей и 3000 из них составляли евреи. По другим сведениям в 1940г. еврейское население Острино составляло около 2000 тысяч человек (73%). Около 500 евреев проживало в деревне Новый Двор в 15 км от Острино. С началом 2 Мировой войны 1939 года в Острино приехали 8 семей беженцев из Лодзи и Варшавы. После установления советской власти несколько из этих семей, а также семья лесопромышленника Нахмана Тверовского были вывезены в Казахстан. Деятельность еврейских религиозных и светских организаций и учреждений была полностью запрещена. Фашисты заняли Острино 24.06.1941 г. Первый приказ гитлеровцев касался ношения евреями желтых нашивок на одежде и запрете всяческих контактов с местным населением. Юденрат в Острино был создан в первые дни оккупации. В него вошли Берл Парецкий, фармацевт Моше Урс, Гедалиах Борухович, Микаэль Тоф, Берл Верников. Первым председателем был назначен Иосиф Вигдорович. В ноябре 1941г. за отказ составить список молодых людей для принудительных работ он был арестован и отправлен в концлагерь Старосельце около Белостока. Дальнейшая его судьба неизвестна. Главой юденрата стал Берл Порецкий. Единственным еврейским полицаем в Острино был Берл Слочник.

Небольшая историческая справка. Органы внутреннего управления носили разные названия: еврейские советы (комитеты), советы старейшин, скопы, правление общины и т.д. Именно первое название фигурировало чаще всего в документах военного времени. Члены юденрата несли личную ответственность за выполнение всех приказов оккупационных властей. В их состав включались только мужчины. Самое активное участие в создании этих органов приняли представители айнзатцгрупп. В составе членов юденрата у многих гетто было от 3 до 12 человек. Юденраты были необходимы оккупантам для регистрации еврейского населения, конфискации его имущества, переселения и размещения в гетто, организации принудительных работ. Одновременно на юденраты возлагалась ответственность как за действия, так и бездействие еврейской общины вообще. Помимо вышеперечисленного юденраты отвечали за доставку рабочей силы, оплату труда, распределение продуктов и организацию питания, социальную помощь и медицинское обслуживание, взимание налогов и штрафов,

обеспечение чистоты и порядка в гетто, деятельность мастерских, магазинов, рынков, решение административных дел. В ряде гетто они также организовывали культурную жизнь и обучение детей и молодежи. Важной функцией юденрата стала подготовка списков для переселения в гетто (в том числе в другие, более большие населенные пункты), трудовые лагеря, а также на депортацию.

Юденрат остринского гетто обратился к немецкому командованию с просьбой отменить ношение желтых нашивок. Было получено разрешение на ношение вместо них белой нарукавной повязки с желтой нашивкой в центре. За это разрешение юденрат передал немецкому командованию пять суконных пальто и пять пар сапог. Однако через две недели немцы вновь приказали носить желтые нашивки. Первые акции уничтожения еврейского населения в Острине состоялись на второй неделе немецкой оккупации. Сначала, как коммунисты, были расстреляны портной Ицка Ревец и Давид Шавдески. Через несколько дней был убит пожилой раввин Моше-Авраам Дразнин (на снимке). Председатель юденрата Порецкий предлагал немцам выкуп за него, но это не помогло. В конце июля гестаповцами из Гродно при помощи местной полиции была проведена акция массового уничтожения евреев. Сначала из синагог были изъяты и уничтожены предметы культа, затем во рву возле сада были расстреляны представители местной интеллигенции – раввины и учителя. В этой акции погиб известный раввин и педагог Авраам Елин. (см о нем в гл. " Они родились в Острино") через два часа после этой акции всем евреям было приказано собраться на Рыночной площади. Пока люди под охраной полиции находились на площади, гестаповцы и жандармы проводили обыски, грабили дома и имущество, при этом расстреляли найденных в своих домах Нотку Брыля, Ицку Гринберга и Гершка Залмана. (Такие акции проводились постоянно, всех, кто оставался в домах, расстреливали. При обысках забирали даже детские тетрадки – из воспоминаний М. Цирульницкого)

הרב ר' משה־אברהם דראזנין

Небольшая историческая справка. Гетто - во время Великой Отечественной войны - часть города, районы, выделяемые для изолированного проживания евреев. Изоляция евреев от остального населения занимала особое место в комплексе антиеврейских мероприятий оккупационных властей. Оккупанты

использовали различные варианты места принудительного содержания: нахождение евреев в том или другом населенном пункте во время определенного срока после оккупации и до расстрела; наличие “открытого” и “закрытого” гетто; место принудительного содержания евреев перед расстрелом; транзитные гетто; рабочие и концентрационные лагеря. Все гетто можно разделить на два основных типа:” открытое “и”закрытое”. Гетто первого типа носили временный характер - до уничтожения или переселения в “закрытое” гетто, депортации, отправки в трудовые лагеря. Узники открытого гетто чаще всего оставались в своих домах или квартирах, где проживали вместе с семьями. В некоторых случаях они переселялись в неогороженную и неохраняемую часть населенного пункта. Туда же переселяли евреев из других, как правило, небольших по численности населения, населенных пунктов. Обязательным признаком такого гетто являлось создание юденрата либо назначение или выборы старосты. С их участием обычно проводилась регистрация, снятие контрибуции, направление определенного количества людей для принудительных работ. Следующим важным признаком данного типа являлась частичная изоляция еврейского населения. Она проявлялась в ограничении свободы передвижения в пределах населенного пункта по сравнению с остальным населением, в том числе запрет покидать место проживания, если целью передвижения не являлось выполнение приказов власти. Способом, обеспечивающим изоляцию, являлось визуальное обозначение евреев (отметки в документах, ношение опознавательных знаков, маркировка их домов и квартир). Тенденция концентрации еврейского населения в средних и крупных городах отмечалась и в западных областях Беларуси. Обычно переселялись отдельные семьи, не превышающие несколько десятков человек. Остринское гетто в начале также относилось к открытому типу, а когда еврейские семьи переселили на улицу Васишишковскую (ныне Слатвинского), по несколько семей в дома, очень тесно, гетто стало закрытым. (Из воспоминаний В.Г. Демьяновича: «Когда евреев переселяли в гетто, стоял такой крик, что было слышно отовсюду. В дома заселяли по несколько семей. А евреи просили своих знакомых православных и католиков, которые жили на Васишишковской улице (теперь ул. им. Николая Слатвинского), поменяться на время домами, чтобы жить хоть немного в лучших условиях. Наша семья тоже поменялась, мы перешли в их дом на Виленской (ул. Станкевича), а они - в наш на Васишишковской. Мама рассказывала, что наш сосед говорил «Меня трогать не будут, я им столько заплатил, что меня они не тронут.» Насколько я понимаю, этим соседом был Гедальях Борухович, их дома напротив. Но это ему не помогло) В июле 1941

года согласно новому административному делению Острино был включен в Гродненский отдел в составе округа "Беласток" Восточной Пруссии. Оккупационными властями была сформирована местная гражданская администрация. Бургомистром стал бывший польский староста Ян Догель, начальником полиции – Николай Лях. Кроме этого в Острино был размещен немецкий пост жандармерии. В бывшем барском имении Синятевка за 8 км. от Острино гитлеровцы возобновили работу деревообрабатывающей фабрики. Основной рабочей силой на ней стали евреи из местечка Острино и Нового Двора. Работали они без всякой оплаты. Кроме этого обязательными работами для евреев стали ремонт и расчистка дорог, заготовка леса и корчевка пней.

Ниже приводятся отрывки воспоминаний Мордехая Цирюльницкого, бывшего узника Освенцима под №79414., которые были помещены в "Черной книге" В. Гроссмана и И. Эренбурга. Его рассказ носит название "Двадцать шесть месяцев в Освенциме". Он ярко отражает всю полноту жути, боли и отчаяния за судьбу своих соотечественников, весь процесс истребления еврейского населения фашистскими палачами. Текст приводится без редакции: "Я родился в 1899 году у М. Астрина Там же я и жил со своей семьей. Семья у меня была большая: пять человек детей. Славные у меня были дети. Учились все. Старшая дочь Галя... поступила в Гродненский инженерно-строительный техникум и весной 1941 года перешла на второй курс. Старший мальчик, семнадцатилетний Яков, учился в полиграфическом училище. Остальные учились еще в школе: шестнадцатилетний Иоэль перешел в девятый класс, тринадцатилетний Вигдар - в восьмой класс, а самая младшая Ланя, ей было всего девять лет, перешла бы уже в четвертый класс.

Острина расположена недалеко от границы. Уже 23 июня 1941 года местечко со всех сторон было окружено немцами, и те жители, которые пытались бежать, были вынуждены вернуться обратно. а 25 июня немцы вошли в Острину. Расстрелы людей начались сразу же после вступления немцев в местечко. Первыми жертвами стали те, кто участвовал в организации Советской власти и в работе Совета в этом районе. Острина входила в Щучинский район. В начале сентября комендантом района был назначен немец-гестаповец. С момента его назначения началась травля и преследование евреев. Сначала евреям было запрещено выходить за пределы местечка. За нарушение этого приказа жителей расстреливали. Так был расстрелян 80-летний Арье Тоневицкий, которого гитлеровцы догнали недалеко от городка. В тот же период был убит и местный раввин

Безданский. Вместе с группой других жителей Астрины он был вывезен якобы в концлагерь, а через несколько дней мы узнали, что все они расстреляны. Затем появился приказ, запрещающий евреям показываться на улицах местечка по воскресным дням. Опять за нарушение - расстрел. Причем подлежали расстрелу не только сами виновные, но и члены их семей. Жена Хаима Хлебовского вышла на улицу за водой, ее схватили и расстреляли вместе с мужем и двумя малолетними детьми. 7-го ноября 1941 года загорелся какой-то сарай. Немцы обвинили евреев в поджоге и приказали всему еврейскому населению собраться на площади "для проверки". Несколько десятков человек, в том числе и те, кто не успел появиться вовремя, и те, у кого документы были не в порядке, были тут же расстреляны. Расстрелы стали обычными и частыми в Острине. Проводились они большей частью в базарные дни, чтобы напугать население из округа. Комендант, живший в Щучине, часто приезжал в Острину, и тогда уже все знали, что произойдут расстрелы. Среди других были расстреляны все учителя: Миллер с женой и двумя дочками, Елин и другие. Также был расстрелян и синагоидальный старейшина Дразнин.

Однажды - это было в конце ноября 1941 года - все еврейское население было снова выгнано на площадь, причем приказано было захватить с собой ценные вещи. Люди предполагали, что планируется переселение куда-нибудь в другое место. Однако, дело закончилось тем, что все вещи, принесенные на площадь, были отобраны. В домах в то время шло повальное ограбление. Например, немецкий агроном ворвался в мой дом и забрал даже школьные тетради и карандаши детей. Кто пытался оказать малейшее сопротивление, был убит. По приказу коменданта в каждом доме на стене должен был висеть список жильцов. Если при проверке списка кого-либо не находили на месте, расстреливалась вся семья. Гетто в Острине было организовано в начале декабря 1941 года. Оно располагалось в районе между Гродненской, Новодворской и Тихой улицами. Изначально гетто было открытым. Двумя неделями позже гетто было уменьшено и включало улицу Васишишковскую и район вокруг синагоги. Эта территория была ограждена колючей проволокой. Единственный вход в гетто был между домами Марка Рубина и Хацкеля Дразнина. Охрану осуществляли местные полицейские. Особую жестокость к заключенным проявляли комендант гетто Семашко, полицейские Домбровский, Маслов. Накануне переселения в закрытое гетто полицейские и жандармы ограбили многие еврейские дома. В местечко согнали всех евреев из окрестных деревень, из местечка Новый Двор (500 человек), из Демброво. Они рассказали, что все слабые и больные были

убиты по дороге. При организации гетто снова было расстреляно человек 10. затем были изданы новые приказы и новые расстрелы. Лейб Михалевич и его сестра Фейге-Сорре были расстреляны за то, что привезли украдкой в гетто немного зерна. Ашер Боярский был схвачен при размоле зерна и его расстреляли. 8 января 1942г. было объявлено, что Острина вместе со всем Гродненским районом включается в состав "Рейха". Население гетто стали ежедневно гонять на работу в лес. Мужчины занимались лесозаготовками, гонкой смолы. Надзиратели били людей до полусмерти, а отстающих или слабых убивали тут же на месте. Не раз случалось, что людей по обвинению в саботаже отправляли в тюрьму, а когда еврей попадал в тюрьму, то жил он только до ближайшей пятницы, так как по пятницам в тюрьме проводились расстрелы, в том числе и всех евреев."

В скором времени после образования гетто гитлеровцы приказали составить списки трудоспособных молодых людей. Отказ председателя юденрата Иосифа Вигдоровича от выполнения этого приказа не спас положения. Список был составлен, и около 300 молодых трудоспособных евреев были направлены в Трешлинку. Следующие приказы гитлеровцев устанавливали комендантский час с 17.00 до 8.00 (в воскресенье вообще запрещалось покидать помещение), запрещали ходить по тротуару. Устанавливали обязательные выплаты и штрафы за различные нарушения порядков. Из-за ограниченности территории в гетто наблюдалась скученность людей, нехватка жилых помещений, антисанитария и голод. По свидетельству Владимира Глембоцкого, синагога была разделена на маленькие помещения, похожие на загоны для скота, в которых проживали по несколько семей. В помещениях отсутствовали туалеты и водопровод, на всех узников гетто было только два колодца. Немцами была установлена норма выдачи хлеба - 100 г на человека. Религиозная жизнь была сведена к минимуму - Миньян собирался тайно только по субботам и праздникам. В гетто не было организовано общественной кухни и обеспечение питанием было заботой самих узников. В таких условиях, несмотря на запрет, наиболее распространённым способом был обмен вещей на продукты питания с местным населением. С разрешения местных властей юденрат организовал за пределами гетто две мастерские - столярную и по пошиву одежды. Оплата за работу запрещалась, однако это дало возможность обеспечивать продуктами гетто путем обмена. Для того, чтобы предупредить массовую гибель узников от голода, немцы разрешили осенью 1941 г. заготовить картофель и некоторые продукты питания. Всего по разным оценкам, в гетто содержались от 1,2 до 2 тысяч заключенных. Слышали мы и цифру 2900, но документа,

который бы подтвердил ее, не нашли. В то же время оккупантами проводились публичные акции морального и физического террора. За попытку контакта с местным населением были арестованы Сара Михловиц и ее брат Лейба. Юденрат сделал попытку добиться освобождения молодых людей, но она не увенчалась успехом. На следующий день арестованные были доставлены на Рыночную площадь, где их заставили раздеться донага и танцевать, а затем расстреляли. В конце декабря 1941г. гитлеровцы согнали узников гетто на Рыночную площадь, где были установлены специально подготовленные деревянные ящики. Евреи должны были сложить туда деньги и ценные вещи. Затем немцы отобрали десять инвалидов и расстреляли их перед всей общиной на месте, не позволяя похоронить до следующего дня.(12) **Мария Григорьевна Клочкова** вспоминала, что в первую очередь расстреливали инвалидов. Ей было 14-15 лет и она хорошо помнит, как по улице фашисты вели троих мужчин: один был хромой, второй – с горбом, а третий – на костылях. Она не помнит фамилии этих евреев, но навсегда осталось в памяти, как кланялись они всем, кого встречали по пути или видели во дворах, прощаясь. Позже она узнала, что их вели на расстрел на Зеленую горку. По рассказам старожилов поселка (Бондарцовой Марии Ивановны и др.) массовые расстрелы проводились также на Лысых Горах и на Гаёвке. Эти места в Гродненском лесу называются так и сейчас и находятся они недалеко от Острино, если ехать в сторону Гродно. Часть Зеленой горки была разрушена, когда рядом с ней был открыт карьер. По словам Григория Андреевича Судаса, человека очень неравнодушного к истории поселка, рабочие, работавшие на карьере, рассказывали, что несколько раз выкапывали человеческие останки. Возможно, наших земляков, расстрелянных во время войны. Про расстрелы там евреев нам сказали лишь однажды. Но даже и единственный случай заслуживает внимания. Только единственным ли он был...

Мы посетили бывший карьер в урочище Зеленая горка. Вот так он выглядит сейчас...

Этот вопрос требует более глубокого изучения. Еще один интересный случай: когда по улице 8 Марта мимо бывшего кладбища проводили газ, экскаватором были вырыты останки трех человек, один из них был очень высок. Некоторое время они лежали возле забора соседнего дома. Хозяйка его - Ирина Акоюн - обращалась за помощью в военкомат, в поселковый совет, но ей отвечали, что это не их дело, потому что не военное захоронение. Женщина похоронила их сама немножко подальше от дороги. Положила камень и посадила куст цветов, которые в народе называют "бабьим летом". В поселке некоторое время говорили об этом и старшие остричане рассказали о расстреле трех молодых евреев, один из них был очень высок. Ребята вышли из гетто в поисках питания, были арестованы за синагогой (их кто-то увидел и выдал) и сразу убиты. Потом их похоронили на окраине еврейского кладбища. Вот так по капелькам собираются сведения.

Винатовский Анатолий Иванович и Мациевич Анатолий Константинович рассказывали, что на окраине кладбища (где сейчас улица Горького) был вырыт ров. Расстрелянных в гетто и в других местах, у самого рва евреев привозили и сбрасывали там не закапывая. Хоронили их потом остричане. И если первые расстрелы проходили за Острино, то потом приводили на расстрел к этому рву и не давали хоронить в течение суток. Наши собеседники в то время были подростками и хорошо все помнили. Николай Иосифович Жуковский рассказывал, что богатым евреям предлагали заплатить за себя и семью и обещали перевезти туда, где они будут освобождены. После оплаты их и вывозили... в гетто в Желудок, в гетто в Василишки, в гетто в Щучин. Белорусский писатель Славомир Антонович в книге "Призраки Можейковской крепости" пишет: "В гетто за несколько дней до расстрела доставили небольшую группу зажиточных евреев из Острино, Каменки. Во дворе здания полиции каждому на голове выстригли звезды. Их не убивали до тех пор, пока не забрали все сохранённые ценные вещи и деньги. Гальперин Абрам, Глембоцкий Исаак, Лайковский Моця, Матильский Соломон – эти из Острино..." речь идет о Щучинском гетто.

Большинство местного населения под воздействием фашистской пропаганды и угроз равнодушно относилось к трагедии евреев, но существуют факты передачи продуктов питания в гетто местными жителями. Местный католический священник Йозеф Плева в проповедях призывал прихожан не участвовать в терроре против евреев. Об этом же говорили и православные священники Петр Сарнацкий и Сергей Голосов. (Старожилы вспоминали и о том, что и священники, и ксёндз крестили многих евреев, кто таким образом хотел спастись. Крещёных фашисты не трогали. Но потом они запретили это

делать) . Были случаи помощи узникам гетто и теми жителями Острино, которые вынуждены были служить в полиции. По воспоминаниям Валентины Николаевны Марцинкевич, помогали евреям полицаи Жуковский и Захаревич. И когда Острино было освобождено, именно эти факты помогли им избежать тюрьмы за службу в полиции. Так была освобождена Анна Запальянска, которая потом стала женой своего спасителя Захаревича (см. выше). Эти воспоминания не совсем точны: они пошли в полицию по приказу партизан. Многие молодые евреи, сбежав из гетто, пополняли партизанские отряды. Возможно, не без помощи этих полицаев. В Книге "Память Щучинский район." среди фамилий есть и еврейские. Названы жители Острино:

Барг Лев Мойшевич, родился в 1924 году, Партизан, погиб 14.07.1944, похоронен в деревне Коптевка Гродненского района.

Запольская Белла Абрамовна, 1925 года рождения; Запольский Лев Абрамович, 1914 года рождения; Запольский Янкель Абрамович, 1910 года рождения - все расстреляны в 1944 году.

Эпштейн Абрам Израилевич, 1912 года рождения - расстрелян в 1944 году.(11)

В своих воспоминаниях о войне ветеран Великой Отечественной войны Михаил Федорович Еропкин, которого в отряде называли Мишка-пограничник, всегда с восторгом рассказывал о храбрости своих боевых друзей Иосифа Кановича и Мойши Барга. Может, первый в приведенном списке погибших сын этого Мойши Барга? Вспоминается имя Франко Родика, еще до освобождения он вместе с друзьями-партизанами подписывал Акт о сожженных фашистами деревнях Зиняки и Огородище. Состоялось подписание 5 февраля 1944 года. Есть сведения о том, что подпольщик Николай Слатвинский установил связь со знакомыми молодыми узниками гетто и готовил их к побегу и переправке в лес. Однако смерть Слатвинского в мае 1942г. не позволила осуществить этот план. Простые люди знали друг друга и, при возможности, старались передать в гетто еду и одежду. Но это было очень рискованно. Только были и другие случаи, противоположные доброте и состраданию. Находились те, кто не стеснялся грабить пустые еврейские дома. Рассказывают, что один из таких забрал в еврейском доме шкаф и радовался тому, что он тяжелый. Открыв шкаф дома, он увидел там тело хозяина-еврея, покончившего жизнь самоубийством. Разные люди, разные поступки... а вот еще один пример, который много рассказывает об отношениях между евреями и другими жителями местечка . В то время,

когда начало организовываться гетто, были случаи, когда евреи отдавали свои ценные вещи соседям-православным: если останусь жив - вернешь, но нет надежды, что они мне пригодятся...

Ликвидация гетто началась 6 июня 1942г., когда оккупанты согнали всех евреев на Рыночную площадь. Около 100 молодых людей были арестованы и вывезены в лагерь Старосельце под Белостоком. В этой группе был Микаэль-Мейер Езерский, которого, по его словам, не смогли выкупить его родные, члены юденрата Гедалиях Бурахович и Берл Верников. Позже эта молодежь работала на железнодорожном строительстве в Белостоке и окрестностях. Заключенные поняли, что готовится ликвидация гетто, так как к этому времени в Острино стало известно о судьбах гетто в близких Василишках, Радуни и Щучине. Группа молодых людей из 12 человек, среди которых был сын председателя юденрата Вигдоровича, совершила неудачный побег из гетто - все беженцы были найдены гитлеровцами в окрестных деревнях и расстреляны.

В конце октября 1942г. (по утверждению Шломы Боярского, это произошло 1 ноября) немцы приказали юденрату собрать всех без исключения евреев на Рыночной площади. С собой было разрешено взять вещи. В тоже время местным жителям было приказано явиться туда же с повозками. Когда евреи были собраны на Рыночной площади, их окружили немецкие жандармы и приказали грузиться на крестьянские подводы. Мужчины старались в первую очередь посадить женщин и детей. Полицейские в это время проверяли дома в гетто и расстреливали тех, кто по каким-либо причинам не мог прийти на площадь, либо надеялся спастись, остаться незамеченным. В течение двух дней евреи из Остринского гетто были вывезены в транзитный лагерь Колбасино. Обратимся снова к воспоминаниям Мордехая Цирюльницкого: "В ноябре 1942г всё еврейское население местечка Острино было вывезено в лагерь Колбасино, около Гродно. До того там располагался лагерь для советских военнопленных. На момент нашего прибытия военнопленных там уже не было. Туда постепенно свозили евреев из всех городов и местечек Гродненского района. Люди были расположены в небольших землянках, причем на каждую приходилось до трехсот человек. Не то, что лежать, даже стоять иногда не было как. Скученность, вонь, грязь невероятная. Гоняли на болото на тяжелые работы. Хлеба выдавали по 150 гр. в день и 1-2 мерзлые картофелины. Лагерфюрер Инсул даже за маленькую провинность избивал заключенных тяжелой палкой - бил по голове до той поры, пока жертва не теряла сознание. Голод и тиф. Не было землянки, в которой за день не умирало бы несколько человек, умирали и на работе. А о так называемом

госпитале, землянке, куда бросали тела тифозных больных, страшно вспоминать и сейчас. Вряд ли могли надеяться выжить те, кто попал туда, не смотря даже на большие старания доктора Гордона, человека чрезвычайно высокородного, который старался помочь больным, чем мог. Тела умерших даже не закапывали в землю. Стояла всегда открытая огромная яма, в которую скидывали покойников. Их присыпали тонким слоем извести. А наверх бросали все новые и новые трупы. Трудно даже представить, сколько людей проглотила та ненасытная яма. В Колбасинском лагере мы провели месяц. 1 декабря 1942г. получили приказ подготовиться к отъезду. Вещи было предписано запаковать, написать имена и фамилии владельцев, - их обещано было послать вслед за нами. 2 декабря нас всех погрузили в вагоны без крыши, закрыли и отправили без всякой возможности есть и пить. По дороге мне удалось спустить из вагона двух моих сыновей: Иакова и Иоиля с надеждой на выживание. Не выжили... в течение месяца узники Остринского гетто, которые оставались в живых (около 300 человек) были вывезены в Освенцим.

По прибытии началась сортировка людей. Я оказался среди 1809 отобранных мужчин. Нас увезли в центральный лагерь - Освенцим. В бане каждому из нас вытатуировали номер и треугольник. Мой номер-79414. Это означало, что некоторое время нас оставят в живых для работы. Кроме этого, мы должны были носить на одежде опознавательные знаки. Евреи - красный треугольник и на нем желтый, положенный так, чтобы получалась шестиконечная звезда. Нарушение этого правила означало неминуемую смерть. 2 января 1943г. я был записан в команду по сортировке привезенных вещей. Работа продолжалась круглосуточно. Показаться больным, попасть в амбулаторию было равносильно добровольной отправке в "газ". По причине обращения в амбулаторию погибли остринские земляки: Мойше-Янкель Камионский, Шлойме-Гирш Шилковский, Мотл Крымский и другие. 12 января 1943г. нашу команду переселили в Биркенау - фабрику смерти, где забивали за маленькую провинность либо для запугивания других. Через два месяца прибытия в Освенцим из группы в 49 человек осталось 4 или 5. все остальные были убиты или отправлены в "газ". Часть наших остринских, работали в лесу, в команде, которая заготавливала дрова для крематориев либо для сжиганий во рвах трупов. От одного из них Фишеля Любецкого, я узнал, что Лейбл Брыль, Иаков Слатник, Лейб Слатник были повешены эсэсовцами в лесу. Сам Любецкий пробыл со мной в лагере до последних дней. В феврале среди новой группы поступивших я увидел своего племянника, от которого узнал, что мой сын Иоэль был отправлен в

”газ”. Летом меня как слесаря перевели на завод, где я стал членом организации сопротивления, действовавшей в течение полутора лет. В начале января 1945г. начались интенсивные налеты советской авиации на лагерь. Началась эвакуация. Мне удалось дважды сбежать и после долгих приключений, я 3 февраля перешел линию фронта и был зачислен в ряды Красной Армии. 7 мая я был ранен и два месяца пролежал в больнице. После войны вернулся в Острину. Но мне было очень тяжело. Все напоминало мою семью, моих дорогих детей. И я решил пожить в другом месте. Советская власть мне такую возможность дала.” (В.Г. Демьянович вспоминал, что «Мотя приезжал из Москвы в Острино». Скорее всего, речь именно о Мордехае Цирульницком. Этот вопрос ещё требует изучения Дело в том, что в посёлок , по воспоминаниям Василия Григорьевича, вернулся Мотя – фотограф. Он тоже был в Освенциме. Фамилии его наш собеседник не помнит. Но по тем данным, которые мы нашли совпадений очень много, с некоторыми отличиями. Возможно, это один и тот же человек. Фотограф Мотка, снимок 1946 года, семья жила в доме, где теперь Кондратовича офис. Фото сделано во дворе Демьяновича В. Гр. В Освенциме был поставлен выгрывать золу от трупов в крематории. Работали они вдвоём, получалось, что за крематорием, на заднем дворе. Когда русские стали наступать, фашисты сразу расстреляли группу, которая была внутри. А они спрятались за горой золы, так и выжили. После освобождения вернулся в Острино, позже уехал в

Москву. Приезжал несколько раз, запасался в Беларуси продуктами. В его родительском доме уже была милиция, он хотел отсудить дом , но ему посоветовали не связываться, сказали, что у милиции дело ему всё равно не выиграть.)

Несколько выживших человек (Владимир Глембоцкий, Шлома Боярский) были освобождены Советской Армией в 1945г., лагерь в Старосельце был ликвидирован 19.11.1942 г., и узники были депортированы в Трешлинку.

Нескольким евреям (в том числе М. Езерскому) из Острино удалось бежать с поезда во время перевозки. Езерский вернулся в Острино, но был выдан оккупантам немецким пособником и помещен в лагерь на станции Ошмяны, откуда он смог убежать в лес и присоединился к партизанам.

Хотелось бы подробнее рассказать о лагере в Колбасино. Не ради интереса, а ради того, чтобы помнить и чтобы помнили другие. С 21.07.1941 г. до ноября 1941г. в Колбасино (5км от Гродно в Белостокском направлении) был организован лагерь для военнопленных. Занимал территорию 50 га. С сентября 1942г. в этом лагере содержалось гражданское население. Являлся он транзитным лагерем для еврейских узников Гродненского гетто и гетто в окрестностях Гродно. Существовал он в течение несколько месяцев (с осени 1942 до конца декабря 1942г.). Открытая местность площадью 50 га была ограждена колючей проволокой в два ряда, вокруг установлены пулеметные вышки. Узников размещали в наспех оборудованных 96 землянках, размером 6.25 на 6.25 и высотой 3м. каждая. В начале декабря 1941г. были доставлены еврейские узники и из Острины. Когда евреи поступали в лагерь, нацисты сразу "наводили порядок", массово избивали женщин (их сгоняли в лагерь отдельно) и мужчин. Мужчин загоняли в отдельные землянки, они не имели права встречаться с членами своих семей, с узниками из других землянок. В каждой землянке жили в страшной тесноте 250-300 человек. Открытые рвы служили местом для справления потребностей для мужчин и женщин. В день узники лагеря в Колбасино получали 150 г хлеба и похлёбку из остатков гниющей капусты. Порядок распределения еды и организацию депортаций в лагерь смерти комендант лагеря поручил юденрату, который он сформировал из выходцев из разных местечек. Судьбы еврейских детей и подростков – самые трагические страницы Холокоста на территории СССР. Уничтожению подлежали и дети от смешанных браков. Уже в 1942г. у всех гетто был приказ, запрещавший роды. Именно дети чаще и быстрее всех умирали в ходе попыток убежать, эвакуации. Отсутствие молока, фруктов, продуктов, холод и болезни делали детскую смертность в гетто очень высокой. Постоянные облавы и акции осложняли укрытие маленьких детей в хранилищах, каждое слово или плач могли выдать всех, кто прятался. Но именно маленькие дети являлись основными добытчиками семьи. Они осуществляли основную связь узников с местным населением. На ровне со взрослыми подростки 11-14 лет участвовали в принудительных работах. В случае какой-либо оплаты их доля была минимальной. Дети евреев утратили право даже на начальное образование, которое было у их ровесников на оккупированной территории.

Необходимо отметить, что гетто в Острине существовала до 5 февраля 1943г. согласно докладной записке уездного комиссара Гродненского уезда фон Плетца, в лагере уничтожения из Острино было направлено 1969 евреев (вероятно, сюда также были включены евреи из Нового Двора и Демброво). Точное количество оставшихся в живых узников Остринского гетто нам неизвестно. Как неизвестно и точное число погибших, потому что никто не считал расстрелянных остринских евреев вместе со Щучинскими, Василишковскими, Желудокскими и Радуньскими, а также и тех, кто был убит в гетто. А были они в каждом из этих гетто, как и люди из других населенных пунктов – в Остринском. Можно много говорить, выразить пустые сожаления, а можно просто помолчать и открыть в своей памяти хоть маленький уголок для этих людей. Они жили на нашей земле, много сделали для нее и их делами мы пользуемся до сих пор. Не заслуживают ли они нашей памяти? "Книга памяти Астрины" заканчивается страшными словами: "Нацистские убийцы заставили умолкнуть голос иврита в местечке"...

На нескольких сайтах Интернета мы встретили информацию о том, что при ликвидации гетто в Острино было расстреляно 1969 человек (кстати, эта цифра есть на стене памяти в Хатыни). Так вот, массовых расстрелов в Острино не происходило. Эта цифра показывает количество евреев, вывезенных из Острино в лагерь Колбасино. Также не правда и информация о том, что на месте гетто в Острино в 1989 году был поставлен памятник. Информация об этом есть в Российской Электронной еврейской энциклопедии. Такого памятника не было никогда. С предложением поставить памятник в тот год приехала группа представителей. Но они не нашли взаимопонимания с местными властями. Те места, где памятник хотели поставить еврейские активисты (либо на месте гетто, либо возле синагоги) им использовать не разрешили. А ставить памятник на бывшем еврейском кладбище они отказались. И нас очень удивила информация, что памятник был поставлен.